

ОБРАЗОВАНИЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА БАЗЕ ЛАТИНСКИХ КРЫЛАТЫХ СЛОВ

В статті обґрунтовується приналежність предикативних виразів, що походять з латинської мови, до російської мови.

Фразеологическая система современного русского языка формировалась разными путями. В неё вошли выражения из разговорной речи, из высказываний государственных и общественных деятелей, из религиозных книг, из художественной литературы и т.д. Кроме того, фразеологическая система русского языка пополнялась заимствованными выражениями.

Заимствование фразеологических единиц – один из путей усвоения жизненного опыта и мудрости других народов: оно присуще многим языкам мира. Заимствование иноязычных выражений в русский язык – очень давний процесс. Как отметил профессор В.В. Колесов, "древние письменные сборники нравоучительных изречений были у славян переводными" [1:5]. Профессор А.М. Бабкин считает, что "запас фразеологических заимствований в русском языке довольно обширен" [2:12].

Значительный пласт фразеологических единиц, имеющих заимствованный характер, восходит к латинскому языку. В современном фразеологическом фонде русского языка выделяются фразеологизмы со структурой словосочетания (или сочетания слов) – фраземы и обороты со структурой предложения – устойчивые фразы [3:192]. Большинство фразеологизмов, имеющих латинское происхождение, представляют собой предикативные образования – устойчивые фразы. Они были заимствованы с письменно-графической формы языка-источника, характеризуются ёмким содержанием, отточенностью формы, меткостью и выразительностью. Выражения вошли в русский язык давно и уже в сборнике "Пословицы русского народа" В.И. Даля многие из них даны без ссылок на заимствованный характер как исконные русские пословицы, например: *бумага терпит, перо пишет* [4:419], *всяк своего счастья кузнец* [4:66], *капля камень долбит* [4:118], *молчание – знак согласия* [4:235], *невинно вино, а виновато пьянство* [4:802], *повторение – мать учения* [4:423], *пришёл, увидел, победил* [4:259], *сытое брюхо к учению глухо* [4:422], *терпение и труд всё перетрут* [4:117]. Хотя к отдельным выражениям имеются указания на их заимствованный характер: *гора родила мышь* (переводная) [4:516], *око за око, зуб за зуб* (Моисеев закон) [4:139].

Первоначально фразеологизмы, восходящие к латинскому языку, стали известны носителям русского языка в форме цитат, крылатых выражений, афоризмов, т.е., они ещё не являлись фразеологизмами в строгом смысле этого слова. При достаточном знании латинского языка они легко переносились в русскую речь образованных людей. Их использовали в качестве ссылок в диспутах, в научной полемике, в публицистике, в эпистолярном жанре. Выражения проникали в художественную литературу как средства речевой характеристики "образованных" персонажей. В этот период они употреблялись в виде иноязычных вкраплений, функционировали в исходной латинской форме без перевода и передавались с помощью латинской графики, например: "Рим напоминает о бренности вещей, о минувшем, о смерти, это вечное *memento mori*. Неаполь – об упоительной прелести настоящего, о жизни..." (А.И. Герцен. Письма из Италии. Письмо 7). "Всякий вправе сказать про себя, а другим разве на ухо: это мне нравится, а это мне не нравится: *de gustibus non est disputandum*". (М.Н. Погодин. Год в чужих краях). "Мы можем избежать многих ошибок, за которые Европа платилась и платится кровью и вековыми страданиями, *no festina lente*". (Н.К. Михайловский. Из литературных и журнальных заметок).

Обычно следующим этапом освоения заимствованных выражений является передача их с помощью графики языка-реципиента – транслитерация. При этом выражение нередко сливается в одну лексему: *I grek* – игрек, *a priori* – априори, *a posteor* – апостеори, хотя может не слиться, ср.: *альма матер*, *альтер эго*, *терра инкогнита*. Большая протяжённость при непривычном фонетическом облике препятствовала транслитерации латинских крылатых выражений со структурой предложения, ср.: "Граждане судьи, если вы помните, древние греки говорили: "Амикус Плато, сед амика веритас". Тем самым они хотели сказать буквально следующее: "Платон мне друг, но истина дороже" (Пархомовский. Жертва печатного слова. "Известия". 5 мая 1963г. №106).

Действенным способом освоения латинских крылатых выражений явились различные способы их перевода на современный русский язык. Чаще всего это было фразеологическое калькирование, "когда чужой фразеологический оборот переводился на русский язык не целиком, а по составляющим его компонентам, из которых он складывается" [5:140]. При освоении многих латинских крылатых выражений использовался приём точного калькирования: покомпонентный перевод с сохранением значения всего выражения. В результате фразы принимали облик языка-реципиента, но сохраняли значение языка-источника, например: *alea jacta est* [6:53] – *жребий брошен*; *in vino veritas* [6:381] – *истина в вине*; *potius sero quam nunquam* [6:617] – *лучше поздно, чем никогда*; *de gustibus non est disputandum* [6:165] – *о вкусах не спорят*; *consuetudo est altera natura* [6:138] – *привычка – вторая натура*; *homo homini lupus est* [6:165] – *человек человеку волк* и многие другие.

Лексико-фразеологическая система русского языка значительно отличается от аналогичной системы латинского языка, поэтому не все латинские крылатые выражения поддавались точному калькированию. В этом случае носители русского языка прибегали к неточному калькированию, когда, во-первых, наблюдался приблизительный перевод как отдельных компонентов, так и целых словесных групп, во-вторых, различные морфолого-

синтаксические трансформации фразы. При этом производимые трансформации не затрагивают значение и предикативную организацию выражения. С помощью неточного калькирования были заимствованы такие выражения, как: *бумага не краснеет* – *epistola non erubescit* – *письмо не краснеет* [6:221]; *терпение и труд всё перетрут* – *labor improbus omnia vincit* – *упорный труд побеждает всё* [6:401]; *человеку свойственно ошибаться* – *errare humanum est* – *человек ошибается* [6:224] и некоторые другие.

Следующим приёмом освоения латинских крылатых фраз был общий (не покомпонентный) перевод. При этом значительное количество заимствуемых фраз подвергалось не только изменениям, но и значительным сокращениям, которые привели к преобразованию как формально-грамматической структуры выражений, так и к частичным видоизменениям значения. Однако и при таком способе заимствования сохранялось основное содержание устойчивой фразы, а также её синтаксическая организация как предикативной единицы. Произведённые изменения приводили к совершенствованию как семантической структуры, так и формы выражения и делали такую фразу более приемлемой для семантико-фразеологической системы современного русского литературного языка. Путём общего перевода, сокращения и частичного преобразования в современный русский язык заимствованы такие латинские выражения, как: *гора родила мышь* – *parturiunt montes, nascetur ridiculus mus* – *рождают горы, а рождается жалкая мышь* [6:713]; *гони природу в дверь, она влетит в окно* – *natur (am) expelleas furca, tamen us que recurret* – *гони природу вилами, она всё равно возвратится* [6:475]; *капля камень точит* – *aqua lapidem non vi, sed saepe cadendo* – *вода точит камень не силой, но многократными ударами* [6:299] и некоторые другие.

На пути превращения латинских крылатых выражений в русские фразеологические единицы они прошли ряд стадий в употреблении. На первом этапе носителям русского языка был известен автор выражения, а для некоторых и произведение, к которому оно восходит. В этот период изречение (устное высказывание, его относительно законченная часть или выдержка из письменного текста) употребляется в виде цитаты с указанием имени автора и названием его произведения. В современной речи такое цитирование встречается крайне редко, однако оно имеет место, например в научных исследованиях: "Афоризмами...назвал древнегреческий учёный Гиппократ свой медицинский трактат...Трактат начинается известным сейчас всему миру афоризмом: "*Жизнь коротка, искусство долговечно*" (Н.А. Федоренко, Л.И. Сокальская. Афористика, гл.1). "Всю жизнь, сколько себя помню, только и слышу бравый лозунг "*В здоровом теле – здоровый дух*"... Фраза "*в здоровом теле – здоровый дух*" не изречение вовсе, а лишь отрывок его, неведь когда отколовшийся и заживший собственной жизнью. Целиком же строка 10 сатиры Ювенала в переводе с латинского выглядит так: надо молить (то есть желательно), чтобы в здоровом теле был здоровый дух. Выходит, смысл строки прямо противоположен смыслу отрывка (Т. Люберецкая. Раны победителей. "Огонек", март 1989, №7, с.31).

На втором этапе заимствованное выражение функционирует как афоризм, когда ещё известно его авторство, но уже забыто произведение или речь, в которой оно впервые употреблено, например: "Завещал нам Сократ: *познай самого себя!* И перед ямой, в которую мы уже собрались толкать наших обидчиков, мы останавливаемся, оторопев: да ведь это только сложилось так, что палачами были не мы, а они" (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ).

На третьем этапе заимствованная фраза функционирует в речи как крылатое выражение с указанием на неопределённый источник, например: "Какой-то латинский писатель в каком-то сочинении употребил замечательное выражение: *homo homini lupus* (*человек человеку волк*), то есть человек обращается с человеком как волк или как с волком. Эти слова...превосходно характеризуют ту болезнь, от которой погибла классическая цивилизация" (Д.И. Писарев. Историческое развитие европейской мысли). "Это хорошо, что на публичном отчёте цивилизации есть где закусить и выпить, потому что старинная поговорка *plenus venter non studet libenter*, или *сытое брюхо к учению глухо*, – есть вздор" (Н.К. Михайловский. На Венской всемирной выставке).

И, наконец, при забвении авторства и произведения, при широком распространении заимствованное выражение превращается в фразеологическую единицу, которая ничем не отличается от исконно русских фразеологических единиц, например: "Присловье "Бежечане и колокольную рожком подбили, встряхивая об неё мимоходом табак" иногда употребляется в том же значении, как "*Капля камень долбит*" (В.И. Даль. Пословицы русского народа. Напутное). "*Рука руку моет*: вы будете действовать здесь, я там" (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы, ч. II, гл. VI).

Следует отметить, что указанные этапы протекают противоречиво и непоследовательно. Бесспорно, происходит "движение" от употребления на уровне цитаты до функционирования как фразеологической единицы. Однако в современной языковой и экстралингвистической действительности имеется ряд причин, которые задерживают процесс фразеологизации, препятствуют окончательному переходу некоторых заимствованных фраз-латинизмов в фразеологические единицы русского языка. Во-первых, это фиксация авторства, а нередко и произведения, т.е. полного источника заимствования в словарях и справочниках. Во-вторых, использование таких выражений на уровне цитат и афоризмов в произведениях литературы и публицистики XVII – XIX вв. В-третьих, наличие словарей и справочников употребления этих выражений в исконной непереводаемой и нетранслитерированной форме с указанием источника заимствования и авторства. В-четвёртых, высокий уровень образованности носителей современного русского языка. В-пятых, традиция употребления, в силу которой при использовании такой фразы говорящий или пишущий стремится по возможности сопроводить её более или менее точной ссылкой на источник заимствования. Поэтому в современной русской речи можно встретить все четыре способа введения в текст таких фраз: на уровне цитаты, афоризма, крылатого выражения, фразеологической единицы.

Таким образом, устойчивые фразы-латинизмы вводятся в современную русскую речь четырьмя способами, два из которых представляют собой приёмы, свойственные для любых свободных предложений, а два являются специфическими приёмами, характерными для них как для фразеологических единиц современного русского литературного языка, так как фразеологическое воспроизведение [7:19] начинается там, где имеет место забвение не только произведения, но и авторства выражения при неопределённых ссылках, т.е. при функционировании на уровне крылатого выражения. Фразеологическая воспроизводимость имеет место и при употреблении выражения без каких-либо ссылок, при включении его в речь как общепринятой фразеологической единицы.

Устойчивые фразы-латинизмы заимствованы очень давно из мёртвого неродственного языка. Тексты произведений, в составе которых они родились, мало известны носителю современного русского языка, поэтому в современной русской речи они функционируют преимущественно на трёх уровнях: а) на уровне афоризма (носителя языка неизвестно произведение, но известен автор); б) на уровне крылатого выражения (известна лишь принадлежность выражения к античной эпохе); в) на уровне безымянной фразеологической единицы (при полном забвении источника выражения и его заимствованного характера).

К первой группе относятся выражения: *Ганнибал у ворот* (Тит Ливий) [8:71]; *горе побеждённым* (Тит Ливий) [8:34]; *жена Цезаря вне подозрений* (Юлий Цезарь) [8:118]; *и ты, Брут* (Юлий Цезарь) [8:238]; *Карфаген должен быть разрушен* (Катон) [8:122]; *Платон мне друг, но истина дороже* (Аристотель) [8:62]; *О времена! О нравы!* (Цицерон) [8:563]; *Поэтами рождаются, ораторами становятся* (Цицерон) [8:606]; *пришёл, увидел, победил* (Юлий Цезарь) [8:820]; *пусть ненавидят, лишь бы боялись* (Калигула) [8:542] и некоторые другие. "А в самом деле, какие документы обязан был иметь древний философ Биант, заявивший: "Всё своё я ношу с собой?" (И. Шатуновский. Всё своё ношу с собой).

Ко второй группе (крылатые выражения) относятся: *в здоровом теле – здоровый дух* [10:54]; *гора родила мышь* [6:713]; *кого Юпитер хочет погубить, того лишает разума* [8:176]; *о мёртвых или хорошо, или ничего* [10:96]; *со щитом или на щите* [10:136]; *человек человеку волк* [6:319]; *что и требовалось доказать* [8:382]; *Юпитер, ты сердисься, значит ты не прав* [8:395]; *я человек, и ничто человеческое мне не чуждо* [6:325] и ряд подобных, например: "Я человек, – с аппетитом говорит он, – и ничто человеческое мне не чуждо." (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

К третьей группе относятся выражения: *бумага не краснеет* [6:124]; *всему есть мера* [6:727]; *всяк кузнец своего счастья* [6:91]; *капля камень долбит* [6:229]; *лови момент* [6:110]; *молчание – знак согласия* [6:662]; *нет правил без исключений* [6:843]; *повторение – мать учения* [6:636]; *привычка – вторая натура* [6:138]; *сколько голов, столько умов* [6:675]; *сказано – сделано* [6:184]; *сытое брюхо к учению глухо* [6:634] и подобные. Например: "Бумага, говорят, не краснеет, уверяю вас, что это неправда, и что краснеет она также точно, как и я теперь" (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы, кн.І, ч.ІІ, гл.2). "Не знали об этом официальные наши дипломаты, журналисты, другие сотрудники в Вашингтоне и Нью-Йорке, хотя..., по предложениям и сообщениям американской печати, могли догадаться – *нет дыма без огня*" (С. Кондрашов. Из мрака неизвестности. "Новый мир", 1989, №8, с.181).

Таким образом, многие предикативные выражения, заимствованные из латинского языка, ранее не входившие в фразеологическую систему русского языка, в современном русском литературном языке стали полноправными фразеологическими единицами и функционируют в речи так же, как исконно русские фразеологические обороты.

Предикативные фразеологические единицы, восходящие к латинскому языку, различаются как по характеру значения, так и по употреблению. Многие из них носят назидательный характер и представляют собой своеобразные сентенции. Являясь опорными сигналами, они, по мнению академика А.А. Потебни, служат заместителями больших масс мыслей и подобно алгебраическим формулам ускоряют процессы человеческого мышления [9:520]. Эти выражения безобразны, их значение складывается путём интегрирования значений образующих их слов. Многократное воспроизведение их в виде готовых формул-обобщений способствовало превращению их в фразеологические единицы. В классификации В.В. Виноградова – Н.М. Шанского [5:76-85] они входят в категорию фразеологических выражений – фразеологических единиц, целиком состоящих из слов со свободными значениями, регулярно воспроизводящихся в речи с узואльно-стабильным значением. Это выражения: *в здоровом теле здоровый дух*; *всему есть мера*; *есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть*; *жизнь коротка, искусство долговечно*; *жизнь – борьба*; *истина в вине*; *лучше поздно, чем никогда*; *молчание – знак согласия*; *нет правил без исключений*; *ничто не возникает из ничего*; *повторение – мать учения*; *познай самого себя*; *поэтами рождаются, ораторами становятся*; *пусть ненавидят, лишь бы боялись*; *сказано – сделано*; *спеши медленно*; *третьего не дано*; *что естественно, то не постыдно*; *что и требовалось доказать*; *человеку свойственно ошибаться*; *я человек и ничто человеческое мне не чуждо* и другие.

Некоторые устойчивые фразы-латинизмы характеризуются частично переносным значением и тяготеют к категории фразеологических сочетаний, например: *бумага не краснеет*; *время лучший врач*; *время бежит*; *девы не пахнут*; *привычка – вторая натура* и подобные.

Целый ряд устойчивых фраз-латинизмов характеризуется слитным целостным значением, которое не вытекает из значений образующих их слов-компонентов. Выражения с обобщённо-мотивированным образно-переносным значением относятся к категории фразеологических единств или сращений. Слитное целостное значение характерно для выражений: *Ганнибал у ворот* – грозная опасность близка [10:306]; *гора родила мышь* – малый результат при больших усилиях [10:306]; *жребий брошен* – окончательное решение принято, пути назад нет [10:50]; *капля камень точит* – упорством и настойчивостью можно добиться больших результатов [10:65]; *Карфаген должен быть разрушен* – препятствие должно быть преодолено [10:65]; *одна ласточка весны*

не делает – по одной примете трудно судить обо всём явлении [10:98]; *рука руку моет* – об укрывательстве друг друга нечестными, непорядочными людьми [10:123]; *со щитом или на щите* – добиться цели или потерпеть полную неудачу [10:136] и некоторые другие.

Таким образом, многие устойчивые фразы, заимствованные разными способами из латинского языка, составляют неотъемлемую часть фразеологической системы современного русского литературного языка. Одни из них располагаются на периферии, другие тяготеют к её центру.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесов В.В. Афористика Древней Руси // Мудрое слово древней Руси. – М.: Советская Россия, 1989. – С. 5-22.
2. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 236 с.
3. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону., 1964.-315 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.:ГИХЛ, 1957. –991 с.
5. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1969. – 231 с.
6. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. – М.: Русский язык, 1982. – 959 с
7. Ройзензон Л.И. Ещё раз о воспроизводимости как о признаке фразеологичности // Труды Самаркандского гос. университета им. А.Навои. Самарканд. –1972. С. 17-21.
8. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. – М.: Художественная литература, 1988. –528 с.
9. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. –С. 464-560.
10. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1987. –239 с.

Матеріал надійшов до редакції 28.09.02 р.

С.И. Гужанов, Т.С. Гужанова. Образование русских фразеологизмов на базе латинских крылатых слов.

В статье обосновывается принадлежность предикативных выражений, восходящих к латинскому языку, к русскому языку.

Guzhanov S.I., Guzhanova T.S. Formation of Russian Phraseological Units on Basis of Latin "Winged Words".

The authors prove the Latin origin of several Russian predicative phraseological units.